



РЕДЧУН ВАЛЕНТИНА МИРОНОВНА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ КРАСНОГО УГЛА ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА СЛАВЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматриваются традиции обустройства красного (святого) угла — одного из неотъемлемых элементов интерьера жилища православных славян-переселенцев Дальнего Востока России конца XIX – начала XX века. Особое внимание уделено его предназначению и определённой, регламентированной роли данного локуса в сакральном, ритуальном, а также декоративном аспектах. Автор подчёркивает семиотическую ценность красного угла, освещает семантику его объектов и этикетные нормы — стиль каждодневного поведения домочадцев в сакральном центре жилища.

Ключевые слова: красный угол, жилище, интерьер, традиции, ритуал, обряд, славяне-переселенцы, Дальний Восток.

Keywords: Icon corner, dwelling, interior, tradition, ritual, ceremony, Slavic settlers, Far East.

Крестьянский дом у восточных славян с древних времён являл собой особое социокультурное пространство, наполненное сакральным смыслом.

В народной культуре славян-переселенцев Дальнего Востока он осмысливается как сосредоточие основных жизненных ценностей: счастья, достатка, единства семьи и рода, и место совершения множества самых разных ритуалов. Академик Б. А. Рыбаков отмечал: «Дом — мельчайшая частица, неделимый атом древнего общества — был весь пронизан магическо-заклинательной символикой, с помощью которой семья каждого славянина стремилась обеспечить себе сытость и тепло, безопасность и здоровье» [20, с. 460]. Дом, символизовавший в народной культуре упорядоченность космоса, становился и моделью царства небесного [11, с. 24]. В своей внутренней организации традиционное крестьянское жилище переселенцев выступало тем сокровенным местом, в котором домочадцы выражали представления о себе и мире, строили этот мир по законам своего мировосприятия.

В число правил организации интерьера восточнославянского жилища XIX – начала XX века входило различение двух центров дома: переднего (красного) угла и печи [2, с. 120]. Всё пространство в крестьянской избе переселенцев было строго регламентировано традициями и обычаями, перенесёнными с исторической родины. Самое большое место отводилось печи, она служила одновременно и источником тепла, и местом приготовления пищи, и местом для сна.

Вместе с тем организация избы носила не только бытовой, но и сакральный характер. Особая роль в конструктивном пространстве жилья славянских переселенцев отводилась красному углу — неотъемлемой части архитектуры крестьянского дома, наиболее ценной, нарядной и почётной части его.

Типы внутренней планировки дома у переселенцев: русских, украинцев и белорусов, при имеющихся различиях обнаруживали в то же время единство расположения красного угла обязательно по диагонали от печи. Точкой отсчёта здесь являлся вход в избу. Такое расположение печи и красного (переднего) угла — одна из общих черт крестьянского жилища славянских переселенцев. Во внутренней планировке избы диагональ печь — красный угол считалась очень важным конструктивным и культурно-символическим направлением.

По мнению исследователя славянской культуры Н. С. Грибановой, в интерьере традиционного крестьянского жилища передний угол имел не столько утилитарное, сколько символическое значение [7, с. 49]. На важность и значимость красного угла указывают такие положительно маркированные названия переднего угла, как красный угол, большой угол, передний угол, почётный угол, почётный

угол, верхний угол (русские), пэршый вугол, покуть, красный кут (украинцы), кут, покуць (белорусы) и другое [1, с. 18].

В общерусской традиции зафиксированы и другие названия этого локуса: кут, тябла, зябло, часовни, божницы, киоты [26, с. 75]. Сведения о наличии красного угла в древнерусской традиции исследователи относят ко времени не позже XIII века. Однако красный угол как место локализации домашних божеств мог сакрализоваться задолго до принятия христианства [14, с. 29].

В начале строительства дома под будущий красный угол, как правило, клали монету самого большого номинала, по сравнению с другими углами. Как отмечает в своём исследовании, посвящённом анализу традиционного жилища русских, украинцев и белорусов, А. К. Байбурун, один из самых ярких российских учёных-этнографов, даже если по каким-то обстоятельствам диагональ красный угол — печь несколько отклонялась от изначального направления, красный угол всегда отождествлялся с востоком или югом, а угол, в котором располагалась печь, — с западом или севером. Молились на образа, помещавшиеся в красном углу, то есть на восток [2, с. 128].

На новоселье было принято входить в дом с иконой и хлебом-солью, ставить образа на божницу в красном углу и молиться [26, с. 74]. Иерархия красного угла отражена и в славянских фольклорных текстах, к примеру, в загадке: «Четыре брата годами равны, один — главный» [1, с. 18].

В крестьянском интерьере славянских переселенцев Дальнего Востока красный угол выделялся своеобразными архитектурно-художественными средствами как особое пространство, имеющее важнейшие сакральные функции.

В древнерусском языке слово «красный» имело множество значений: красивый, прекрасный; очень хороший, превосходный; дарующий радость, благодатный; главный, передний; наиболее ценный и другие [23, с. 19–20].

Красный угол для славянских переселенцев был символом божьего благословения; создавая его, они приглашали Господа в свою жизнь. Основным украшением красного угла является божница с иконами и лампадкой, поэтому его называют ещё «святым». Это место всегда почиталось всеми членами семьи и гостями. Семиотическая ценность красного угла подчёркивалась тем, что здесь хранились иконы — наиболее значимые культурные символы православных славянских переселенцев. Помимо приёма гостей, все важные события происходили в красном углу. В первую очередь это молитвы хозяев: именно отсюда домочадцы обращались к Богу, молясь на образа. В традиционной культуре переселенцев сложились определённые принципы построения данного пространства в домашнем крестьянском быту с определённым его оформлением и наполнением. Внимание человека, вошедшего в дом, первым делом

обращалось на его символический центр — красный угол. По традиции гость сначала должен был перекреститься на иконы в святом углу и только потом обращаться к хозяевам. Пройти в красный угол он мог только по особому приглашению. Место под образами считалось самым почётным, поэтому там садился глава семьи или уважаемый гость.

Божницу в красном углу устраивали в закрытом киоте¹ или в виде особой полки (иногда двухъярусной), на которую ставили иконы в определённом порядке. Традиционно считается, что икона должна обязательно стоять, а не висеть [19, с. 65–66]. Но бывало и другое расположение икон: они также могли быть просто повешены на стену.

В оформлении красного угла крестьянской избы переселенцев в начале XX века преобладала простая конструкция божницы, представлявшая собой стационарно встроенную угловую полку (однорусную или двухъярусную), на которую ставили иконы. Полки (подставки) под иконы могли быть различных конструкций — от более сложных и украшенных до простых. Однорусная обычно состояла из одной цельной доски треугольной формы с невысоким бортиком, не допускавшим соскальзывания образов с полки.

Славяне-переселенцы соблюдали древние традиции, которые предписывали стиль каждодневного поведения в отношении образов. Высокий знаковый статус икон в красном углу предопределял особые правила обращения с ними. Их нельзя было продавать, сжигать или уничтожать каким-либо иным образом; допускалось лишь зарывать или пускать по воде [2, с. 158].

Божницу содержали в чистоте. Чистили иконы обычно дважды в год: перед Рождеством и Пасхой [2, с. 158]. Воду, в которой мыли иконы, выливали снаружи, под тем местом, где находился красный угол. Когда в семье делались небогогодные дела: пели песни, плясали и т. п., то божницу с иконой занавешивали [2, с. 158]. Искусствовед И. А. Стерлигова поясняет, что, согласно народным представлениям, завешивали иконы в доме для того, чтобы святые образа не могли «видеть» греховные дела людей [24, с. 222].

Дом христианина был домашней церковью, освящённой святыми иконами [27, с. 112]. У славянских переселенцев сохранялась вера в благодатную помощь от иконы. Святые образа, помещённые в крестьянском доме, оказывали несомненное влияние на повседневную жизнь семьи. Начальное приобщение ребёнка к православному веру и межпоколенная передача религиозной традиции, принесённой славянами-переселенцами с мест прежнего проживания, происходили благодаря обращению к святым образам в красном углу. Существуют каноны расположения икон, которыми руко-

водствовались православные крестьяне-переселенцы при обустройстве красного угла. Лики святых располагали по аналогии с церковным алтарём. Для домашнего иконостаса старались иметь три иконы: Спасителя, Божией Матери и святого Николая Чудотворца (Николая Угодника).

Особое место в крестьянских домашних иконостасах дальневосточных славян занимал образ святого Николая Чудотворца. Переселенцы из Европейской России, отправляясь в долгий путь на окраинные восточные земли империи, брали с собой в дорогу его святой образ. Почитание этого святого оказалось наиболее распространённым и устойчивым. Лик Николая Угодника находился практически в каждом домашнем иконостасе переселенцев. К. В. Цеханская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии, автор книг по славянскому религиоведению, отмечает, что если у бедного крестьянина в доме имелся только один образ, то чаще всего это была икона Николая Угодника. В народном сознании он считается покровителем брака, животных, особенно лошадей, а также охранителем всех путешествующих на суше и на море. Поэтому в малом деисусном чине домашних божниц после Спасителя и Божией Матери вместо Предтечи, как полагается по церковным канонам, чаще можно было видеть икону святого Николая Чудотворца. «Нет икон, как Никол», — говорили в народе, подчёркивая значимость образа любимого святого [26, с. 76].

Количество и состав икон мог варьироваться в зависимости от личных предпочтений, семейных и мировоззренческих традиций, часто связанных с местами выхода переселенцев, также и от возможности разместить в доме большее количество икон. Дополняли домашний иконостас и образами особо чтимых святых, именными, то есть иконами святых небесных покровителей членов семьи, иконами праздников и т. д.

Книга «Домострой» давала следующие рекомендации об устройстве красного угла, где размещались иконы: «Каждому христианину нужно в доме своём, во всех комнатах, по старшинству развесить на стенах святые и честные образа, на иконах написанные, их украсив, и поставить светильники, в которых во время молебствия перед святыми образами возжигаются свечи, а после служения — гасятся, а образы святых расставляются по старшинству» [9, с. 155].

В оформлении красного угла и его символике велика роль христианских элементов: божница отождествлялась с алтарём православного храма [22, с. 264] и осмыслялась как место присутствия самого Бога. Крестьяне-переселенцы в святом углу избы перед образами ставили или подвешивали к потолку лампаду; иногда ограничивались восковой свечой, которая прикреплялась к полочке. По традиции, характерной для мест их выхода, наряду с ико-

¹ Ки́от (киво́т, кио́ть, от греч. κίβητος — «ящик, ковчег»), божница — особый украшенный шкафчик (часто створчатый) или застеклённая полка для икон.

нами помещали в божницу священную вербу, венчальные, пасхальные, богоявленские свечи домохозяев, священные божественные книги, как называли их крестьяне (Библию, молитвенники), а также святую крещенскую воду. Издревле считалось, что богоявленская вода² имеет огромную благодатную силу. Святая вода считалась целебной, крестьяне верили, что она не портится, если к ней не будут прикасаться нечистые руки. Её подливали в питьевую воду, в колодцы [26, с. 79].

На божнице во многих домах переселенцев среди других христианских атрибутов хранилось и пасхальное яйцо, которым христосовались на Пасху. Красный угол украшался в православные праздники и становился своеобразным алтарём во время календарных обрядов. Так, к Троице³ святой угол украшали веточками берёзы. Бытовало убеждение, что троицкая зелень (сушёные цветы и трава), которая устилала церковный пол на праздник Троицы, имеет особые свойства. Её берегли под божницей и при необходимости добавляли в корм для больных домашних животных [26, с. 79]. Также восточным славянам известен обычай освящения в церкви на Вербное воскресенье (за неделю до Пасхи) веточек вербы, которые в качестве оберега хранились в божнице (обычно за иконой) в течение года. Этими ветками было принято произносить ритуальный текст, слегка похлёстывать детей с пожеланием им здоровья и роста. К примеру, белорусы при этом приговаривали: «Не я б'ю, вярба б'е. Праздны дзень — Вялік дзень! Хвароба — у лес на верас, а здароўе — у косці. Будзь здароў, як вада і багаты, як зямля, расці, як вярба!» Этими же веточками на Юрьев день (6 мая) впервые выгоняли в поле коров и лошадей [12, с. 247–248].

В красном углу находились объекты, которым придавалась высшая культурная ценность [2, с. 150]. По народным воззрениям славянских переселенцев, всё, что хранилось на божнице, приобретало благодаря находившимся здесь иконам особую благодатную силу. Четверговая соль, пережжённая в Великий четверг, издавна считалась целебной, поэтому и её хранили на божнице [26, с. 78–79].

2 Богоявленская вода — вода, освящённая накануне Крещения (в Крещенский сочельник).

3 Троица — один из наиболее почитаемых праздников христианского календаря, когда церковь вспоминает сошествие Святого Духа на апостолов на горе Синай на пятидесятый день от воскресения Христа и чествует Святую Троицу. Учение о Святой Троице, одно из основных положений христианской веры, говорит, что Бог един по своей сущности, но существует в трёх нераздельных ипостасях: Бога Отца — безначального первоначала, Бога Сына — в образе явившегося к людям Иисуса Христа, совершенного богочеловека, и Бога Святого Духа — животворящего начала. По значимости и торжественности празднования Троица уступала только Пасхе. Праздник связывали прежде всего с культом растительности, расцвет которой приходится на это время, а главным атрибутом троицких обрядов была берёза, символ женского начала и вечного обновления природы.

Во время уборки урожая первый и последний колосья, принесённые с поля, устанавливали в красном углу. Сохранение первых и последних колосьев урожая, наделённых, по народным преданиям, магической силой, сулило благополучие семье, дому, всему хозяйству.

Пчеловоды берегли за иконами восковую свечу, принесённую из церкви от утрени в Страстной четверг⁴. Она предназначалась для весеннего выставления ульев на пчельник (17 апреля). Считалось, что поставленная посередине пчельника свеча обеспечивает осенью обильный медосбор и оберегает от сглаза недоброжелателей [26, с. 79]. В красном углу за иконами держали и помянники⁵.

Любой предмет в контексте красного угла наделяется дополнительной семантикой общения, сообщения, связи с чем-то. Крестьянские божницы славянских переселенцев представляли собой своеобразную домашнюю церковь. Всем действиям в красном углу придавался символический характер, влияющий на благополучие семьи [2, с. 157]. Это сакральное место теснейшим образом было связано с семейными обрядами, регулировавшими социальный аспект жизни человека, его социализацию и десоциализацию [2, с. 150–151].

В России девушки перед Новым годом подметали пол от порога к красному углу со словами: «Гоню в свою избу молодцов, приезжайте ко мне, женихи, со всех дворов». В Украине также известно было ритуальное подметание мусора от порога к красному углу, «чтобы добро шло в дом, а не из дома» [12, с. 189].

Поведение домочадцев в святом (красном углу) было наиболее регламентированным, так как это алтарная часть дома. Перед иконами с ликами православных святых совершались ежедневные моления, с которых начиналось любое важное дело, проходили как будничные трапезы, так и праздничные застолья, протекали действия многих календарных обрядов, отмечались значимые события в жизни семьи: все родильные, свадебные и похоронные обряды.

Например, в свадебном обряде сватанье невесты, её благословление перед отъездом в церковь проходили в

4 Страстной четверг (Чистый четверг) — в христианстве четверг Страстной недели (Великой седмицы), когда вспоминаются Тайная вечеря, на которой Иисус Христос установил таинство Евхаристии и совершил омовение ног учеников, молитва Христа в Гефсиманском саду и предательство Иуды. Применительно к утрени Пасхи — заўтрэня — самое продолжительное из ежедневных богослужений суточного круга в православной церкви.

5 Помянник, или синодик — небольшая книга или тетрадка, в которую для молитвенного поминовения записаны имена живых и умерших. Такой список имён имелся практически у каждого православного христианина. Эту книжицу верующие подают в храме для поминовения на богослужениях и прочитывают во время домашней молитвы. Помянники хранят в чистоте и опрятности около домашних икон в красном углу.

красном углу, а после венчания, по приезде в дом жениха, родители, встретив молодых с иконой, тоже вели их к красному углу и сажали под образа. В передний угол усаживали сватов в обряде рукобутья [1, с. 20]. Перед отъездом в дальнюю дорогу вся семья собиралась перед иконами, помещёнными в божницу.

В святом углу заканчивался жизненный путь православно христианина. Умершего члена семьи, причём вне зависимости от его пола, клали на стол или лавку головою к красному углу. Связь красного угла с комплексом представлений о смерти, предках проявлялась, в частности, в дни поминовения родителей. В большом углу стелилась чистая постель для «гостя». Хозяйка, кланяясь «порожнему месту», ставили на стол лишний прибор и говорили: «Кушай-тко, родименькой» [2, с. 152–153].

Отсутствие в доме икон и плохой за ними уход считались безбожием. К иконам в красном углу относились особо: их брали в руки, перекрестившись; новые образа или перенесённые из другого дома ставили только после окропления их священником; спиной к иконам не садились. Маленьких детей старались не пускать в передний угол, чтобы они там не шалили. Ложиться ногами к иконам считалось большим грехом [26, с. 81].

В соответствии с давней славянской традицией, у переселенцев Приамурья особую сакрально-символическую роль в убранстве икон, расположенных в красном углу, играло полотенце набожник. Так называли исключительно те полотенца, которыми накрывали иконы. Названия предназначавшихся для икон полотенца происходят от слова «божница». Историк-этнограф Г. С. Маслова поясняет: «Полотенцем окаймляли божницу в переднем углу, поэтому его называли “божник”» [17, с. 22]. Н. С. Грибанова отмечает: «Совместное использование иконы и полотенца позволяет предположить существование в народном сознании глубокой связи между ними. Первоначальной функцией иконы и полотенца, используемых вместе, было стремление служить интегрирующим звеном для людей: с миром божества и с миром предков» [7, с. 53].

К примеру, белорусский набожник (баговік) буквально означает «ткань на Бога» [16, с. 468]. В этих названиях соединились дохристианские корни сакральных практик обожествления изображений предков и позднейшее народно-христианское понимание иконы как земного воплощения Бога. Искусствовед О. А. Лобачевская полагает, что одна из первоначальных функций орнаментированного набожника — материализовывать и символично замещать отошедших в иной мир предков. В повседневной жизни и в сакральные моменты общения с душами предков полотенце становилось той видимой связью, которая соединяла два мира, позволяла отдельному человеку, всей семье чувство-

вать своё единство с родом [16, с. 468–469]. У белорусов долгие годы сохранялся обычай звать предков (дзядоу) на сакральный ужин (вячэру) и откладывать им на полотенце под иконами первые три ложки угощения (куцці). Обрядовое использование орнаментированного набожника связано с представлением о «дзядях» как заступниках рода, реальных существах, способных сохранять, оберегать, помогать, содействовать благополучию живых сородичей [16, с. 469].

Полотенца нередко называют дохристианской иконой, поскольку семантика орнаментальных композиций, по мнению исследователей, связана с мифологическим представлением восточных славян [6, с. 292]. Это подтверждает и академик Б. А. Рыбаков, он пишет: «...расположенная в красном углу христианская божница XIX – начала XX века с её набором икон оказалась примером двоеверия, сосуществования церковных изображений, заимствованных тысячу лет тому назад, с древними символами, идущими из значительно более глубоких пластов времени. Если бы мы убрали из такого киота диссонирующие с ним иконы, то оставшаяся символическая орнаментика, вышитые набожники с языческими богинями были бы вполне пригодны для размещения в божнице древнего “кутного бога”»⁶ [20, с. 498].

Исследователь традиционного искусства русских крестьян Л. М. Русакова наблюдает в структуре орнаментированного конца полотенца отражение деления мира на три сферы по вертикали: «мир умерших», «мир людей и всего живого» и «верхнюю небесную сферу» [10, с. 322].

Отмечая ритуальный характер орнаментированного полотенца, Б. А. Рыбаков писал: «Специально ритуальным предметом, давно обособившимся от своего бытового двойника, было полотенце с богатой и сложной вышивкой. Полотенцами увешивали красный угол, на полотенце-набожнике помещали иконы» [21, с. 637].

Российский этнограф Т. А. Бернштам выделила три задачи, которые выполняли полотенца на иконах: а) создание церковного благолепия, б) сокрытие / деяние святынь, в) «расцветивание» (оживотворение) святых и событий [5, с. 233]. Известный учёный, исследователь мифологических основ славянской народной культуры Н. А. Криничная, анализируя семантику красного угла, видит в ней своего рода «стыковку» языческих божеств с соответствующими христианскими персонажами (иконами), равно как и среди сакральных атрибутов, помещаемых в нём, и способов убранства — принадлежность к языческой или христианской обрядности [14, с. 30–31]. Языческую символику продолжают сохранять и орнаментированные полотенца, отражающие

⁶ Кутный бог (домовой) — у славянских народов домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, плодородие, здоровье людей, животных.

дохристианские представления, но используемые для украшения икон.

Вероятно, красный угол — исконное древнее место для языческих «убрусов»⁷, а полотно играло в своё время роль иконной доски, и на него наносились священные языческие изображения, предшествовавшие иконам. Украшение икон полотенцами ведёт свою историю с глубокой древности, когда появилась первая христианская икона «Спас на убрусе». В русской традиции это день «Третьего Спаса» (29 августа по новому стилю), посвящённый Спасителю Иисусу Христу. В этот день в церкви вспоминают перенесение в 900 году из сирийского города Эдессы в Константинополь нерукотворного образа Спасителя. В народе праздник называют «полотняным», или «Спасом на холстах», «холщовым». В этот день освящали домотканые полотна, предназначенные для божницы. Это церковное чествование святого убруса, то есть того полотна, на котором нерукотворно отпечатался божественный лик Спасителя⁸ [26, с. 80]. Н. И. Костомаров, русский историк и этнограф XIX века, при описании внутреннего убранства дома великорусского народа XVI–XVII столетий, отмечал наличие убрусцев в убранстве переднего угла: «Образа ставили в переднем углу покоя, и этот угол задёргивался занавесом, называемым застенком. Сверх того, что каждый образ поодиночке задёргивался привешенным к концу его убрусцем, а внизу спускался кусок материи, называемый пеленю. Убрусцы и пелены переменялись на образах, и в известные праздничные дни привешивались более нарядные, чем в будни и в посты» [13, с. 72–73].

Прослеживается связь иконы и полотенца не только в жилище, но и вне его: при снятии иконы с божницы для благословения молодых или для переноса в новое жилище она непременно должна была быть помещена на полотенце или накрыта им [6, с. 291–292].

Таким образом, икона и полотенце, используемые одновременно, вероятно, изначально были призваны выполнять аналогичные функции и служить связующим звеном для живущих: первая — с миром божественным, второе — с миром предков.

Православная традиция украшать домашние иконы полотенцами получила широкое распространение у всех трёх славянских этносов, переселившихся на Дальний Восток: русских, украинцев и белорусов. Обычно ими покрывали верх иконы или всей божницы. При этом полотно

сворачивали вдвое по длине и помещали на икону сверху, свисающие длинные концы расправляли, чтобы был виден узор. Иногда одним полотенцем накрывали до трёх и более икон так, чтобы узорные концы полотенец свисали ниже икон.

Этнолог А. Н. Курилович отмечала, что «постоянное украшение полотенцами икон было характерно для православных, тогда как католики вешали на икону полотенце только во время свадьбы» [15, с. 85].

Украшались набожники вышивкой, выполненной в разной технике, узорным ткачеством, а также сочетанием вышитых и тканых узоров с преобладанием красного цвета. Способ орнаментации набожников несколько отличен от ритуальных полотенец другого назначения. Узкие полотнища полотенец на иконы конца XIX века декорировались не только на концах, но и по одной из сторон. В первой четверти XX века орнаментировались как обычные — с двух концов.

Длина полотенца зависела оттого, сколько икон было на божнице. Чем больше икон, тем длиннее должно быть полотенце, иногда такое полотенце имело в длину семь метров, концы спускались по сторонам божницы. Орнамент вышивки набожников был преимущественно геометрический — из крестов, крестообразных розеток и ромбов со сложными разработками внутри. Мастерицами при декорировании полотенец для икон нередко одновременно использовался как чисто геометрический, так и растительный орнамент, в котором выделяется мотив мирового дерева с птицами на ветвях; на некоторых набожниках вышит только растительный орнамент.

С конца 1930-х годов нарастает тенденция к утрате полотенца как элемента красного угла сельского жилища. Возможно, это обусловлено исчезновением предметов, изготовленных в традиционной технике ткачества и орнаментации, что не даёт возможности потомкам славян-переселенцев в полном объёме транслировать культурные традиции ритуального предмета — набожника. В настоящее время набожники всё ещё сохраняют своё почётное место в красном углу избы, на полочке для икон (божнице), у некоторых жителей поселений, основанных славянскими переселенцами. Но они претерпели значительные изменения. Отличительной чертой современных набожников является полихромность декора и преобладание растительных мотивов в узорах. Существенно изменились и размеры — они стали короче.

Также важнейшей составляющей красного угла был стол. Закреплённость стола за этим местом в избе — специфически восточнославянская черта [2, с. 153]. Постоянное местонахождение стола в красном углу, сакральном месте, под иконами, являлось символом устойчивости миропорядка, источником силы и благополучия. Пространство в красном углу за столом имело выраженный знаковый характер. Его

⁷ Убрус: 1) плат, полотно, полотенце; 2) Святой (Святой) Убрус — нерукотворный образ Спасителя; плат с нерукотворным изображением лика Иисуса Христа.

⁸ По преданию, Иисус умыл лицо водой и затем вытер полотенцем, на котором отразился его лик. Это полотенце с нерукотворным изображением Спасителя исцелило обладателя сирийского г. Эдессы от смертельной болезни, что способствовало распространению там христианства.

ценность повышалась по направлению к самому почётному месту — под образами.

Такое отношение к столу было вызвано особенностями его семантики. Этнограф А. К. Байбурин полагает, что ранее в традиционных представлениях славян почти повсеместно проводилась аналогия между столом в святом углу дома и престолом, алтарём в церкви [2, с. 154].

Важную роль передний угол играл в святочных обычаях и ритуалах, особенно в той их части, что была посвящена хозяйственному благополучию семьи. Например, в канун Рождества⁹ на столе в переднем углу раскладывали сено в память о яслях, в которых лежал младенец Христос [1, с. 21].

Стилистика поведения в разных частях дома была неодинаковой. Весь красный угол не только «оформлялся» как алтарная часть храма, но и вести себя в этой части дома полагалось, как в церкви. Именно это повлияло на формирование традиции у славянских переселенцев вести себя за столом в красном углу столь же сдержанно, как и в храме. Ссоры и сквернословие за столом считались неприемлемыми.

Символическим осмыслением стола в народном сознании как церковного престола российский этнограф А. Л. Топорков объясняет многочисленные правила и запреты застольного этикета. За столом во время будничной трапезы нельзя было смеяться, шуметь; есть полагалось молча [25, с. 235–236, 238]. Считалось грехом стучать по столу, за которым едят, отождествляя его поверхность с «божьей ладонью» [2, с. 154]. Перед началом застолья все произносили краткую молитву, а, выходя из-за стола, говорили: «Слава тебе, Господи» [4, с. 127].

Своё строго определённое место обязательно было у старшего мужчины в доме — хозяина, обычно он сидел в большом углу за столом, под иконами, на это место не

мог садиться никто другой [8, с. 170]. Оно воспринималось как сакральное, иногда оставалось пустым, предназначенным для предка-покровителя. А. Б. Мороз, исследователь славянских обрядов и верований, отмечает, что «обычное место хозяина за столом понималось и как место предка» [18, с. 43], при этом он обращает внимание на то, что «хозяин занимал не собственно место предка, а лишь сидел рядом с ним, оставляя его место свободным», то есть не в самом углу под иконами, а немного отодвинувшись, как бы оставляя место [18, с. 43].

Своё место в красном углу имела и хозяйка, она обычно садилась на противоположном углу стола, ближе к печи, чтобы было удобнее подавать на стол [8, с. 170]. Остальные члены семьи, как правило, рассаживались в произвольном порядке, хотя в некоторых семьях своё место за столом по чёткой иерархии было у каждого.

Революция и последовавшие за ней годы безбожия, политика активного атеизма советского времени оказали значительное влияние на повседневный быт верующих славян-переселенцев и православный жизненный уклад, в том числе и на традиционную организацию культового пространства крестьянского жилища — красного угла. В ходе антирелигиозной кампании из видимого пространства многих домов переселенцев исчезли места расположения святынь и сами иконы. Уже к концу 1920-х годов в избах переселенцев наполнение красного угла христианскими атрибутами сохранялось большей частью фрагментарно, в основном в семьях, где особо чтили и соблюдали православные традиции. Исторические процессы прошедшего столетия привели к изменению многовекового уклада жизни православных славянских переселенцев Дальнего Востока, разрушению целого ряда художественно-бытовых традиций и формированию новых, соответствующих веяниям времени.

Список использованных источников

1. Агапкина, Т. А. Символика освоенного пространства: угол / Т. А. Агапкина // *Пространство и время в языке и культуре* / отв. ред. С. М. Толстая. — Москва, 2011. — С. 13–53.
2. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. — Ленинград : Наука, 1983. — 191 с.
3. Байбурин, А. К. У истоков этикета : этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. — Ленинград : Наука, 1990. — 165 с.
4. Бернштам, Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX века) / Т. А. Бернштам // *Этнические стереотипы поведения / под ред. А. К. Байбурина*. — Ленинград, 1985. — С. 120–153.
5. Бернштам, Т. А. «Хитро-мудро рукодельнице»: (вышивание-шитьё в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян / Т. А. Бернштам // *Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы*. — Санкт-Петербург, 1999. — С. 191–249. — (Сборник МАЭ ; Т. 47).
6. Грибанова, Н. С. Икона и полотенце в представлениях современного русского сельского населения Алтайского края / Н. С. Грибанова // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология*. — Т. 6, вып. 3 : Археология и этнография. — 2007. — С. 290–294.
7. Грибанова, Н. С. Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX – начале XXI века : монография / Н. С. Грибанова. — Барнаул : АлтГПА, 2013. — 256 с.
8. Громыко, М. М. О воззрениях русского народа / М. М. Громыко, А. В. Буганов. — Москва : Паломник, 2000. — 543 с.
9. Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская ; [коммент. В. В. Колесова]. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 399 с.

⁹ Рождество Христово — христианский праздник в память рождения Иисуса Христа. Один из Двенадцатых праздников. В православной церкви считается вторым праздником после Пасхи, отмечается 7 января.

10. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. — Москва : Наука, 1991. — 511 с.
11. Зубец, И. З. Предметы народного искусства в контексте христианских представлений / И. З. Зубец // Научные чтения памяти В. М. Василенко : сб. ст. — Москва, 2012. — Вып. 5. — С. 23–31.
12. Коваль, В. И. Мифологические верования восточных славян. Пособие по курсу «Славянская мифология» / В. И. Коваль. — Гомель : Гомел. гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2016. — 270 с.
13. Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа : утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, приём гостей / Н. И. Костомаров. — Москва : Экономика, 1993. — 397 с.
14. Криничная, Н. А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса / Н. А. Криничная // Этногр. обозрение. — 2009. — № 2. — С. 28–42.
15. Курилович, А. Н. Белорусское народное ткачество / А. Н. Курилович ; Акад. наук БССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. — Минск : Наука и техника, 1981. — 119 с.
16. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации / О. А. Лобачевская. — Минск : Беларус. наука, 2013. — 527 с.
17. Маслова, Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник / Г. С. Маслова. — Москва : Наука, 1978. — 208 с.
18. Мороз, А. Б. Стол в севернорусских поверьях и обрядах / А. Б. Мороз // Традиционная культура: науч. альм. — 2002. — № 2. — С. 41–46.
19. Русская изба: внутреннее пространство избы, мебель и убранство избы, домашняя и хозяйственная утварь : ил. энцикл. / [Д. А. Баранов и др.]. — Санкт-Петербург : Искусство, 2004. — 376 с.
20. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1987. — 782 с.
21. Рыбаков, Б. А. Язычество Древних славян / Б. А. Рыбаков. — Москва : Русское слово, 1997. — 824 с.
22. Святая Русь. Русский образ жизни : большая энциклопедия русского народа / [сост. О. А. Платонов] ; под ред. О. А. Платонова. — Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2007. — 942 с.
23. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 : Крада – Лящина / Ин-т рус. яз. АН СССР ; гл. ред. Ф. П. Филин. — Москва : Наука, 1981. — 351 с.
24. Стерлигова, И. А. О литургическом смысле драгоценного убора русской иконы / И. А. Стерлигова // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство : сб. ст. — Санкт-Петербург, 1994. — С. 220–229.
25. Топорков, А. Л. Происхождение элементов застольного этикета у славян / А. Л. Топорков // Этнические стереотипы поведения : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; под ред. А. К. Байбурина. — Ленинград, 1985. — С. 223–242.
26. Цеханская, К. В. Икона в русском доме / К. В. Цеханская // Этногр. обозрение. — 1997. — № 4. — С. 71–84.
27. Цеханская, К. В. Иконы в жизни русского народа / К. В. Цеханская. — Москва : Наука, 1998. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 31.01.2023.

Сведения об авторе: Редчун Валентина Мироновна, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail.ru: redchunv@mail.ru; тел. (4212) 47-72-10.